

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

25 апреля 1974 г. в Москве состоялось совместное заседание Ученых советов Института языкознания АН СССР и Института русского языка АН СССР, посвященное 250-летию Академии наук СССР.

В своем вступительном слове директор Института языкознания АН СССР В. Н. Ярцева подчеркнула, что Центральный Комитет КПСС постановил отметить 250-летний юбилей Академии наук СССР как смотр достижений советской науки, внесшей большой вклад в дело построения социализма в СССР, в развитие образования и культуры. В юбилейные дни наше внимание в какой-то мере обращено к прошлому, и неслучайно ряд докладов носит итоговый, историографический характер. Преемственность в развитии любой науки всегда имела большое значение. Определяющее влияние на развитие языкознания в СССР оказало осуществление ленинской национальной политики, поставившее перед языковедами принципиально новые, теоретические и практические задачи.

В докладе Э. А. Макаева и Н. З. Гаджиевой (Москва) «Сравнительное языкознание в истории Академии наук» было показано развитие русской компаративистики начиная с XVIII в. Корни сравнительно-исторического языкознания в России связаны с именем гениального русского ученого академика М. В. Ломоносова, давшего блестящие образцы научного творчества и сделавшего замечательные открытия, на много лет опередившие западную науку¹.

Ф. П. Сороколетов (Ленинград) в докладе «Русская лексикография в Академии наук» осветил основные этапы развития русской академической лексикографии. В конце XVII — начале XVIII в. в России уже существовала вполне сложившаяся лексикографическая традиция. Перед лексикографами стояла задача — выявить и соотнести активный и пассивный фонд литературного языка².

Н. Ю. Шведова (Москва) посвятила свой доклад «Русская научная описательная грамматика в русской Академии наук» рассмотрению наиболее характерных черт русской грамматической науки³.

Доклад А. А. Реформатского и А. В. Суперанской (Москва) был посвящен теме «Разработка проблем прикладной лингвистики в Академии наук». Докладчики отметили, что словари и грамматики, составлявшиеся Российской академией в XVIII в. (С. Г. Гмелин, И. И. Лепехин, И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, В. Е. Адодуров, В. К. Тредиакowski, М. В. Ломоносов и др.), явились своеобразной стартовой площадкой в развитии не только теоретической, но и практической лингвистики (разработка грамматической терминологии, орфографии, просодии, правил стихосложения). Несмотря на то, что орфографические разделы включались, как правило, во все грамматики, в XIX в. было много частных орфографий. Вопросами общего урегулирования русского правописания занимались многие ученые и работники просвещения. По поручению Академии наук акад. Я. К. Грот опубликовал в 1885 г. свое знаменитое «Русское правописание», которое выдержало 19 изданий и служило каноном орфографии для школы (но не для печати). В дальнейшем при Академии наук была организована специальная комиссия по орфографии во главе с акад. Ф. Ф. Фортунатовым. В 1912 г. были опубликованы «Постановления орфографической подкомиссии» Академии. В их основу легли фономорфологические принципы, поддерживаемые академиками Фортунатовым и Шахматовым. На этих «Постановлениях» базировалась и «реформа орфографии 1917—1918 гг.», которая решила общие вопросы правописания, однако не коснулась многих частных. В разработке норм русского правописания и в орфографических дискуссиях в разное время принимали участие видные представители отечественной филологической науки и просвещения (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, А. И. Соболевский,

¹ Доклад опубликован в ВЯ, 1974, 5.

² Доклад опубликован в ВЯ, 1974, 6.

³ Доклад опубликован в ВЯ, 1974, 6.

И. А. Бодуэн де Куртене, Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и мн. др.). Заключительная часть доклада была посвящена общей характеристике работ советских языковедов в области различных прикладных проблем, в том числе и новых, возникших в связи с развитием научно-технического прогресса в середине XX в. (автоматический перевод, статистика речи и т. п.).

В. А. Ефимов, А. С. Белоусова (Москва)

*

С 25 по 27 марта 1974 г. в Москве проходила VI Научная сессия по вопросам германского языкознания, организованная сектором германских языков Института языкознания АН СССР. В ее работе приняли участие представители научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Мянска, Риги, Владивостока, Воронежа, Горького и других городов страны, а также ученых из ГДР, ЧССР, Финляндии.

На сессии были рассмотрены как общие проблемы типологии германских литературных языков (установление факторов, определяющих тип литературного языка; типология литературных языков в зависимости от объема и характера их социальных функций; соотношение традиций и инноваций в древних и современных германских языках с типологической точки зрения и т. п.), так и частные вопросы структурной типологии данных языков.

Выделению и характеристике типологических критериев германских литературных языков было посвящено несколько докладов. М. М. Гухман (Москва) в своем докладе «К типологии германских литературных языков донационального периода», говоря о качественном своеобразии обработанных форм германских языков донациональной поры, выдвинула ряд факторов, определяющих их типологическую специфику. К ним относятся: степень обособленности данных языков от разных видов обиходно-разговорной речи; уровень их территориальной и функционально-стилистической дифференциации; совокупность тех приемов, которые дают основание выделять литературный язык как особую функциональную единицу в системе форм существования языка.

В. Н. Ярцева (Москва) в докладе «Роль традиций и инноваций в типологической характеристике английского литературного языка» показала, что в качестве типологического критерия могут служить и различия в характере использования генетически разновременных элементов языка. Типологические разли-

чия такого рода выявляются не только для разных периодов английского языка и не только на разных уровнях языковой структуры: прослеживается связь этих различий и с функционально-стилистической стратификацией языка. Так, например, в области лексики закреплённость многих исконно германских лексем в древний период за определенными литературными жанрами приводила к стилистической окрашенности этих лексем, что впоследствии могло служить одной из причин их исчезновения из языка. В области морфологии на смену свободному чередованию исторических и аналогических форм, которое наблюдалось в среднеанглийском, в период стабилизации норм приходит отбор и закрепление одной из чередующихся форм, сопровождающиеся исчезновением другой формы или ее оттеснением в сферу нелитературной речи.

В докладе «О функциональном аспекте типологического изучения германских литературных языков» Н. Н. Семенов (Москва) остановилась на некоторых типологических признаках западногерманских литературных языков, обусловленных их общей функциональной направленностью, показав, в частности, что для разных западногерманских языков положение отдельных видов письменности в рамках литературного языка и их роль в процессе формирования литературных норм были разными.

Целью доклада О. А. Смирницкой (Москва) и М. И. Стеблин-Каменского (Ленинград) «Типология современных литературных скандинавских языков» было установление причинных зависимостей между типологическими характеристиками данных языков и такими экстралингвистическими факторами, как наличие/отсутствие политически независимого государства в эпоху формирования нации, степень территориальной языковой раздробленности, наличие/отсутствие письменной традиции в эпоху становления литературного языка. Проведенная типологическая классификация показала, что именно благодаря воздействию экстралингвистических факторов скандинавские языки, отличавшиеся значительной строевой близостью, могли давать контрастирующие типы в рамках этой классификации.

И. Р. Гальперин (Москва) в докладе «Некоторые типологические особенности литературного английского языка XVI века» дал детальную характеристику различных типов литературных английских текстов XVI в. и связал определенные их функционально-стилистические черты с тем влиянием, которое оказывали на использование языковых средств в этот период художественно-эстетические принципы эпохи Возрождения.

В некоторых докладах основанием для типологического сопоставления языков послужили внутриязыковые критерии.

В докладе Г. С. Щур а (Москва) «О типологии некоторых форм перфекта в германских языках», где в качестве типологического критерия выступает опущение вспомогательного глагола в перфекте, дан анализ причин указанного явления в отдельных германских языках и диалектах.

В докладе В. Д. Аракина (Москва) «Типология объектных словосочетаний в скандинавских языках» членение скандинавских языков на две подгруппы проведено в соответствии с представленными в них типами объектных словосочетаний, причем типология данных словосочетаний была определена предварительно на основе ряда структурных признаков. Т. С. Глуша к (Минск) в докладе «Взаимосвязь эволюционных сдвигов в структуре предложения и именных словосочетаний», обобщившем результаты конкретных исследований ряда авторов, обратила внимание на то, что наблюдаемый в английском и немецком языках процесс сокращения длины предложения, за которым стоят существенные структурно-качественные преобразования, согласуется в этих языках с четко выраженной тенденцией к номинализации.

На сессии были подняты также вопросы нормы и языкового варьирования, имеющие самое непосредственное отношение к функциональной типологии литературных языков.

Сопоставление двух древнейших германских языков в плане выявления их типологического своеобразия позволило Э. А. Макаеву (Москва) в докладе «Рунический и готский» поставить вопрос о типологии литературной нормы древних германских языков. Несмотря на то, что и язык древнейших рунических надписей, и готский язык отличались унифицированным характером, они противостоят друг другу с точки зрения образования литературной нормы. Данная типологическая оппозиция обусловлена значительными функциональными различиями между рассматриваемыми языками: если рунические надписи носили узкофункциональный, кастовый характер, то язык готской Библии обладал несомненными признаками наддиалектной нормы, причем не исключено, что его унифицированность объясняется влиянием готского койне. В. П. Берков (Ленинград) в докладе «Норвежский литературный язык (букмол) и его варианты» говорил о специфической языковой ситуации в современной Норвегии, которая характеризуется существованием двух официально признанных норм литературного языка: букмола — продукта развития датского языка на норвежской почве и лансмолла, искусственно созданной нормы, в основу которой положены черты различных норвежских говоров. Предпринятые нормализаторами попытки «норвегизации» букмола привели к тому, что он в свою очередь суще-

ствует в нескольких нормативных вариантах. В докладе «Лексикографическая практика как отражение соотношения гомогенности и вариативности лексики литературного языка» С. С. Линский (Днепропетровск) сосредоточил свое внимание на эволюции понятия «вариативность» в лексикографии, показав, в частности, что функциональная вариативность могла оцениваться носителями языка как социальная.

Особую группу составили доклады, посвященные типологическому анализу соотношения генетически разнородных явлений в древних и современных германских языках. В докладе С. А. Миронова (Москва) «Соотношение традиций и инноваций в литературных языках африкаанс и нидерландском» было показано, что африкаанс, сложившийся на смешанной нидерландской диалектной основе и развивавшийся в сложных условиях изоляции от первоначальной территориальной базы, в непосредственном контакте с другими европейскими и местными африканскими языками, обнаруживает на разных уровнях своей структуры ряд типологических особенностей, отличающих его от нидерландского языка. Больше всего инноваций отмечено в морфологической системе, тогда как на фонологическом, словообразовательном и лексическом уровнях африкаанс устойчиво сохранил исконную нидерландскую специфику.

А. Л. Зеленецкий (Калуга) в своем докладе «К вопросу об архаичности системы сильного глагола в западногерманских литературных языках» выделил три признака, относительно которых описывались системы сильного глагола немецкого, нидерландского и английского языков: степень функциональной необходимости аблаута, степень редуцированности парадигматического ряда основных форм и степень единства его моделирования. Благодаря применению особой формализованной процедуры было установлено, что наибольшая степень проведения инноваций характеризует английскую систему сильного глагола, несколько меньшая — нидерландскую и минимальная — немецкую.

М. В. Раевский (Тула) в докладе «Реверсивная глагольная тексика в современных германских языках», определив процессы глагольной редеривации как явную инновацию в глагольном словопроизводстве, дал детальное описание структурных типов реверсивных глаголов и остановился на типологических различиях между отдельными германскими литературными языками в плане распределения и функционирования этих структурных типов.

В докладе Л. Л. Иофим и А. Г. Гурочкиной (Ленинград) «О полипредикативных структурах в древнегерманских языках и их дальнейшем развитии (на материале древнеанглийского и древневерхнегерманского языков)» было показан-

но, что основные реляционные модели полипредикативных предложений, являющиеся общими для английского и немецкого языков, начиная с раннего этапа их существования, не подверглись в ходе исторического развития существенным качественным изменениям, и инновации обнаруживаются лишь в оформлении средств выражения подчинительных связей.

С докладами, связанными с типологической проблематикой, выступили также иностранные ученые, принимавшие активное участие в работе сессии. И. Шилд (Берлин) в докладе «К соотношению стабильности и вариативности в развитии немецкого литературного языка» показал, что в специфически немецких условиях единая языковая форма складывается в процессе выравнивания территориальных вариантов литературного языка. В докладе Г. Шпитцбардта (Иена) «К вопросу о системной типологии сравнительной степени в немецком и английском языках» был дан историко-типологический обзор структурных и функциональных особенностей конструкций сравнительной степени в указанных языках.

Доклад В. Флейшера (Лейпциг) «К типологии функциональной дифференциации в словообразовании современного немецкого языка» был посвящен детальному анализу словообразовательных моделей определенного типа и их функциональному распределению по различным сферам использования современного немецкого языка. Р. Лёч (Берлин) в докладе «Негерманские элементы в грамматическом строе германских языков» дал характеристику тех типов грамматической интерференции в системе словоизменения языка идиш, которые сложились в нем под воздействием славянских языков и иврита. Э. Скала (Прага) в докладе «К контрастивному изучению структуры слова в немецком и чешском языках» изложил результаты проведенного им количественного анализа различий в структуре слова в данных языках.

Директор Центрального института языкознания АН ГДР Г. Фойдель, говоря о большом значении работ советских германистов для развития германистики в ГДР, указал на особую актуальность в этом плане проблематики данной сессии, поскольку лингвисты ГДР в настоящее время активно разрабатывают вопросы, связанные со становлением и функционированием немецкого национального языка. В частности, проблематика сессии важна в плане изучения различий в языковой ситуации в ГДР и ФРГ. Отвергая крайнее мнение, согласно которому в этих государствах сложились два разных языка, следует признать, что между ними имеются значительные функциональные различия. В заключение Г. Фойдель подчеркнул, что в плане разработки как проблем социальной лингви-

стики, так и общелингвистических проблем важное значение имеет многолетнее тесное сотрудничество между учеными Института языкознания АН СССР и Центрального института языкознания АН ГДР.

Подводя итоги работы сессии, М. М. Гухман отметила, что вопросы типологии литературных языков впервые стали предметом широкой дискуссии на германском материале. Состоявшийся обмен мнениями показал, что по-прежнему актуальной остается проблема типологических критериев литературных языков, предполагающая не только выявление всех возможных критериев такого рода, но и определение характера их соподчиненности, а также их связей с собственно языковыми явлениями. Поскольку тип литературного языка определяется преимущественно социально-функциональными факторами, отмечалось то большое значение, которое приобретают при изучении обсуждаемых вопросов факты внешней истории языка, в частности, анализ языковой ситуации, существовавшей в ту или иную историческую эпоху. Широкие возможности открываются для разработки вопросов нормы и языкового варьирования в плане функциональной типологии языков. Во многих выступлениях подчеркивалась также настоятельная необходимость углубленного изучения специфики социально-функциональной дифференциации литературных германских языков на разных этапах их развития.

Закрывая сессию, В. Н. Ярцева заметила, что при определении тематики научных сессий по вопросам германского языкознания, их организаторы старались поддерживать традиции отечественной германистики, которую всегда отличало стремление решать на конкретном языковом материале актуальные общетеоретические проблемы. В. Н. Ярцева констатировала плодотворность работы сессии и высказала пожелание, чтобы ее итоги стимулировали соответствующие конкретные исследования в научных и педагогических учреждениях страны, что способствовало бы созданию широкой базы для дальнейших теоретических поисков в данной области науки о языке.

И. А. Сивова (Москва)

*

На той же сессии прибывший в Москву для участия в мероприятиях, связанных с проведением Дней финской науки и культуры в СССР, Н. Энkvист (Турку, Финляндия) прочел доклад «Современные направления развития лингвистики».

Докладчик остановился прежде всего на современных направлениях изучения языка как структуризированной системы.

Возникновение порождающей трансформационной грамматики, связываемое обычно с появлением в 1957 г. книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» доказывает, что все новое в области современной лингвистики не может остаться незамеченным, и независимо от того, принимать ли трансформационные принципы или нет, их все-таки нельзя игнорировать. Даже критика этих принципов дает некоторые дополнительные сведения о структуре и природе языка.

В течение ряда лет в конце 50 — начале 60-х годов исследователи сосредоточивали внимание на технических проблемах формализации, в частности на разработке системы правил и техники их записи, иногда настолько строгой, что она казалась многим замкнутой в себе схоластикой. Многие проблемы, выдвинутые трансформационными лингвистами, оказались интересными, например, характеристика фонологических единиц в свете дифференциальных признаков. Синтаксис стал твердым ядром грамматики и другие области грамматики рассматриваются в связи с синтаксисом. Это привело к пересмотру границ между синтаксисом и словарем, а это приносит пользу и грамматистам и лексикографам. Семантика, которая еще недавно была областью беспредметных размышлений и спекуляций, сейчас нашла свое законное место в лингвистических исследованиях.

Порождающая трансформационная лингвистика противопоставлена господствовавшим раньше направлениям механического бихевиористического структурализма. Порождающие модели оказались плодотворными не только при их удачном использовании. Как обычно бывает в науке, даже ошибки модели являются важными: они выдвигают новые проблемы и открывают новые пути.

Порождающая трансформационная лингвистика отнюдь не монолитное, унифицированное направление науки, как ее рассматривают некоторые противники трансформационного направления. Наоборот, за последнее время появилось много новых разнообразных отраслей порождающего направления не только в США, но и во многих других странах, в том числе в Советском Союзе.

Если считать, что порождающая грамматика должна исходить не из синтаксических символов, а из значений, возникает вопрос, как оперировать такими значениями и как их описывать.

Потребность в «глубинной» семантике привела лингвистов к более тесным контактам с представителями логики. Одна из самых актуальных проблем современной лингвистики — отношения между логикой и лингвистикой. Некоторые ученые уверены, что традиционные методы формальной логики могут развиваться и совершенствоваться таким образом, чтобы отражать все разнообразные свойства

естественных языков, а не только категории искусственно ограниченных логических систем. Другие, менее оптимистично настроенные, полагают, что лингвистика нуждается в логике нового типа, чтобы можно было применить ее к изучению естественных языков, потому что естественные языки слишком сложны и для описания их во всей полноте нельзя пользоваться такой формальной системой, как логика.

Указанные направления в грамматике заставили лингвистов мыслить в терминах большей или меньшей эффективности модели, совершенно так же, как это делают физики. Но модели исходят из определенных посылок, сравнимых с аксиомами и постулатами. Разные исходные посылки могут привести к разным моделям. Это одна из причин, в силу которой лингвисты предлагают разные модели, отстаивая преимущества той или иной из них.

Некоторые лингвисты чрезмерно увлекаются абстрактным теоретизированием за счет лингвистической реальности, наблюдаемой на поверхности языка. Пока нельзя определить отношения между лингвистической теорией и процессами, которые можно наблюдать путем психологического и нейрофизиологического эксперимента. Равным образом ученые, занятые формулированием логических и порождающих правил, не всегда в состоянии рассмотреть большое количество текстов и изучить пути, по которым разные языки функционируют. Они тратят много времени на изобретение непонятных предложений, якобы определяющих точную границу между приемлемыми и неприемлемыми предложениями, вместо того, чтобы рассматривать общепотребительные и частотные конструкции, действительно употребляемые в языке.

Лингвистам требуется теория для конструирования моделей языка таким же образом, как архитекторам требуются расчеты и проекты, а не только кирпич и известковый раствор. В некоторых отраслях лингвистики отражаются недостатки современного состояния теории. Примером этого является машинный перевод. Двадцать лет тому назад некоторые специалисты были весьма оптимистически настроены. Они утверждали, что в ближайшем будущем перевод будет осуществляться машинами. Сегодня мы знаем, что хотя некоторые переводы и могут быть произведены машинами, мы еще далеки от того времени, когда машины заменят переводчика-человека. Виноваты в этом не столько инженеры и машины, сколько трудности, испытываемые лингвистами в формулировании правил, необходимых для адекватного перевода.

Многие представители практической лингвистики все больше и больше испытывают потребность в теории. В то же

время многие представители теоретической лингвистики убедились о том, что некоторые их абсолютные правила были слишком абсолютны для описания того, что действительно происходит в языке.

Если считать, что сущность языка заключается в том, что им пользуются люди в социальном общении, то мы должны заниматься не только составлением формальных исчислений и алгоритмов, но и проблемой языкового варьирования. Мы должны выйти из имманентной сферы в реальный мир и посмотреть, как люди употребляют язык в различных ситуациях. В этой области, которую можно считать второй по важности в изучении языка, в течение последних десяти — двадцати лет появилось много нового, в частности, изучение так называемой «грамматичности» (grammaticality), «допустимости» (acceptability), «уместности» (tolerance) тех или иных конструкций.

Некоторые исследователи считают критерием правил свое собственное «языковое чутье». Некоторые лингвисты пытаются наметить границу между «допустимостью» и «недопустимостью», но зачастую они выбирают необычные, неупотребительные примеры, определение которых явно зависит от субъективных оценок.

Очень важны наблюдения в области таких отраслей коммуникации, как модернистская поэзия, где употребление исключительных, отклоняющихся от нормы языковых конструкций является основным средством передачи сообщения. У некоторых хороших поэтов такие атипичные конструкции могут оказаться существенным способом коммуникации и, тем самым, вполне допустимыми и уместными. Хотя вне данного контекста они покажутся недопустимыми и неуместными и будут определены как неграмматичные с позиций любой грамматики данного языка.

Наиболее эффективным способом корректирования эзотерической теоретизации является изучение большого количества текстов, как устных, так и письменных. Во многих странах проанализировано и продолжает анализироваться большое количество текстов, часто с помощью электронно-вычислительных машин. Проведено много статистических исследований букв и фонем, частотности слов, а в какой-то мере и словосочетаний. Уже известно кое-что о предпочтении той или иной параллельной формы в разных языках. Однако о частотности синтаксических структур известно гораздо меньше, может быть потому, что область синтаксиса столь многообразна. Мы пока еще не имеем автоматизированных способов синтаксического анализа. Практически синтаксический анализ должен производиться «вручную», автоматизация может применяться только для целей классификации и перечисления. Но синтакси-

ческий анализ большого количества текстов требует большого труда. Если бы в нашем распоряжении был частотный синтаксис, включающий частотность важнейших синтаксических структур, подобно частотным словарям, представляющим частотность слов, он был бы весьма полезен для преподавания иностранных языков и в других целях, включая анализ и описание стилей.

Далее докладчик остановился на проблеме текста.

Лингвистика текста, т. е. грамматическое и лингвистическое изучение текстовых связей вне предложения и, особенно, тех способов, с помощью которых предложения сочетаются и образуют связный текст, проливает свет на особенности функционирования предложений и, тем самым, глубже вскрывают онтологические свойства этой синтаксической единицы.

Еще одна причина побуждает изучение лингвистики текста: как было установлено, предложения, составляющие текст, не могут быть полностью описаны в изоляции друг от друга. На форму и содержание данного предложения влияет его окружение в тексте, т. е. все то, что было до этого предложения и следует после него. Это, очевидно, доказано в процессе формализации синтаксиса. Если необходимо формализовать все, что определяет форму предложения, — а в порождающей грамматике дело обстоит именно так, — необходимо включать в формализацию и те признаки текстового окружения, которые влияют на форму этого предложения.

Некоторые существенные составные части лингвистики текста уже изучены в рамках грамматики предложений. Прономинализация, отсылки, субституция, эллипсис, согласовательные связи и некоторые другие явления функционируют в связях между предложениями, а не только внутри предложения. Кое-что известно о коммуникативной структуре простого и сложного предложения, в терминах темы и ремы, известно также, что часть функции порядка слов внутри предложения состоит в передаче информации не только этого предложения, но и, некоторым образом, всего текста.

Следует также упомянуть и другой подход — стремление к конструированию порождающих моделей для синтаксиса текста согласно принципам, представленным в порождающей грамматике предложения. Здесь задачей лингвиста является формулирование правил, порождающих тексты, а не только отдельные предложения. В какой степени возможны порождающие грамматики текста и какими они должны быть — таковы два основных вопроса при изучении лингвистики текста, которая представляет не только теоретический интерес, но имеет также практическое при-

менение. Под различными названиями — теория повествования, семиотика, структурная поэтика и пр. — ряд ученых стремится выявить, до какой степени явления литературной структуры могут подвергаться описанию и лингвистическому анализу. Пока мы ограничиваемся изучением грамматически определяемых структур, мы можем оперировать обычными методами лингвистического анализа и описания. Но некоторые ученые пошли дальше. По аналогии с грамматиками естественного языка они пытаются сконструировать грамматику, описывающие уже не предложения и связи между ними, а фабулы, сюжеты, создание характеров, сцен, манеру повествования и т. п. Такие попытки не новы, но среди некоторых ученых они снова приобрели актуальность.

Н. Энквист указал далее, что в последнее время уделяется большое внимание социальному аспекту языка. Социолингвистика является отраслью лингвистики, изучающей те варианты языка, которые находятся в определенном соотношении с социальными факторами, такими, как престиж, образовательный уровень, профессия, пол и т. п. Социолект — это социально детерминированный языковой вариант, «социальный диалект» языка. В течение нескольких прошедших десятилетий социолингвистика стала признанной дисциплиной как благодаря тем, кто изучал экзотические языки в интересах антропологии, так и благодаря тем, кто наблюдал вариативность языков в индустриальной среде. В США много занимаются состоянием английского языка среди негров. Причина для изучения Pidgin English и языка креолов также частично социолингвистическая.

Специалисты, изучающие стиль языка, образуют третью группу среди тех, кто изучает язык в соотношении с контекстом и ситуацией. «Стиль» стал трудным термином, так как он может быть истолкован по-разному.

Сложные формы взаимодействия между историческими формами языка, диалектами, социолектами и стилями выдвигают много проблем перед лингвистом. Сейчас их строгое изучение только начинается.

Исторические изменения языка — варьирование языка во времени — наиболее тщательно изученный вид языкового варьирования. Историческая лингвистика и филология — лингвистическое описание, изучение и толкование старых текстов — деятельность, которая раньше была основным ядром лингвистики, по мнению многих лингвистов, стала теперь в какой-то мере «Золушкой» лингвистики. Многие филологи и историки языка продолжают, разумеется, работать над древними текстами, но в глазах новаторов такой интерес имеет скорее привкус

терпимого традиционализма, чем волнующей новизны.

Было бы неправильно утверждать, что историческая лингвистика находилась только в сфере традиционализма и ничего более. В действительности предпринято много усилий рассмотреть историю языка в свете новых методов и новых теорий. Например, имеются попытки переписать историческую фонологию некоторых языков в терминах теории дифференциальных признаков и формул, известных из порождающей грамматики. Некоторые лингвисты старались распространить свои структурные и порождающие методы на изучение исторического синтаксиса. Социолингвисты и исследователи стилей тоже старались ввести заимствованные из диалектологии методы в исследование древних периодов различных языков.

История лингвистики — как коррелят истории языков — также является предметом интенсивного изучения. В области лингвистической историографии большинство работ располагается на шкале между двумя крайними подходами. Некоторые лингвисты писали о своих предшественниках, рассматривая их с чисто современной точки зрения. Они читают старые лингвистические труды, выбирая только то, что пригодно для их собственной позиции, и отбрасывая все остальное. Другие стараются тщательно реконструировать историческую интеллектуальную атмосферу и занимаются трудоемкой реконструкцией первоначальной основы.

Лингвистическая историография успешно развивается: библиография быстро растет, появляются новые журналы по истории лингвистики. Эта область важна потому, что с одной стороны, история лингвистических учений является частью интеллектуальной истории человека: то, что люди думали о языке, составляет важную часть того, что они думали о себе и обо всем мире, и, таким образом, само по себе составляет важный предмет изучения. С другой стороны, старые лингвистические исследования нередко содержат воззрения, уместные и применимые в современной лингвистике.

Докладчик подчеркнул, далее, что трудностью изучения языка с помощью различных технических средств является то, что собирание все большего и большего количества физиологических и акустических данных не помогает нам узнать больше о самом языке. Правильный путь состоит в первичном анализе системы и последующем наблюдении за ее проявлением в физиологических и акустических терминах скорее, чем в собирании большого количества физиологических и акустических данных в надежде, что они обнаружат сущность лингвистических систем. В действительности

акустический поток речи содержит большое количество признаков, не существенных для языка как такового; чтобы подобрать ключ к основам лингвистической значимости, надо научиться игнорировать те моменты, которые не имеют различительной силы среди лингвистически релевантных единиц.

Однако для изучения патологии речи, для преподавания иностранных языков, контрастивного анализа, техники связи и для других областей инструментальная фонетика может оказать большую помощь.

Лингвистическая теория стала более абстрактной, расхождение между чисто теоретической лингвистикой и многими практическими применениями лингвистики, например, преподаванием иностранных языков, стало более широким. Перекинуть мост через эту пропасть была призвана прикладная лингвистика — новая дисциплина, развивавшаяся в течение последних десятилетий. Трудно точно определить область прикладной лингвистики. Можно сказать, что она включает те разделы чистой лингвистики, равно как и разделы других научных дисциплин — психологии, методики, статистики и т. д., — которые потенциально полезны для практических целей, например, для преподавания иностранных языков. Во многих странах сопоставительная лингвистика заняла видное место в области прикладной лингвистики. Под сопоставительной лингвистикой обычно понимается сравнение между двумя или больше языками, являющееся составной частью обучения. Анализ ошибок — систематическое изучение ошибок, которые люди делают при изучении иностранных языков — это один из методов, применяемых в сопоставительном анализе. В идеале, сопоставительные исследования должны предсказать, какие проблемы представляют наибольшие трудности для учеников и каким образом эти трудности легче преодолеть.

Современная лингвистика является динамичной дисциплиной. Современные лингвисты заинтересованы всеми видами коммуникации, включая естественные языки людей и модели мышления, образующие эти языки. Они изучают языки не только как имманентные системы, но и как часть биологического и социального характера человека; как средство взаимодействия между человеком и окружающей средой.

*

15 февраля 1974 г. в ЛО ИЯ АН СССР состоялись III чтения, посвященные памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского.

Во вступительном слове чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева (Москва) отметила многосторонность научной деятельности В. М. Жирмунского и его огромный вклад в развитие отечественной и мировой германистики.

В докладе «В. М. Жирмунский и сравнительно-историческое индоевропейское языкознание» И. А. Перельмутер (Ленинград) уделил большое внимание раскрытию своеобразия ученого как компаративиста и описанию наиболее близких ему исследовательских приемов. Была показана соотносительность работ В. М. Жирмунского в области сравнительно-исторического языкознания и его трудов в других отраслях лингвистической науки, в первую очередь в области диалектологии. В связи с работами В. М. Жирмунского о индоевропейских прилагательных докладчик предложил новую концепцию, объясняющую некоторые аномальные явления в системе прилагательных древнегреческого языка.

А. В. Бондарко (Ленинград) в докладе «Категориальные и некатегориальные значения в грамматике» подчеркнул, что категориальными в грамматике являются инвариантные значения, которые присущи грамматическим классам и единицам и которые лежат в основе оппозиций грамматических классов и единиц в замкнутых системах. Имеются в виду значения, присущие классам слов (частям речи), классам форм (членам морфологических категорий и парадигм), классам конструкций (членам синтаксических категорий и парадигм). Основной признак категориальных значений — их обязательность. В свойстве обязательности выделяются два аспекта: 1) системно-языковой (облигаторность выражения данного значения по отношению к определенным грамматическим классам и к множествам лексических единиц, охватываемых этими классами) и 2) речевой (существующая для говорящего обязательность выбора одного из противопоставленных друг другу категориальных значений). Понятие категориального значения в грамматике переkreшивается с понятием общего значения, но не совпадает с ним. Общие значения — лишь одна из форм существования категориальных значений. Некатегориальные значения необязательны. В докладе рассматривались основные типы выражения некатегориальных значений, в частности, «несобственные» функции морфологических категорий, лексические средства на службе грамматики, различные комбинированные способы выражения значений.

В докладе «О методах и задачах этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках» А. М. Щербак остановился на проблеме соотношения в тюркских языках

аффиксальных морфем с самостоятельными словами. Подчеркнув правильность высказанной В. В. Радловым мысли о развитии «формальной материи» (Formstoff) агглютинативных языков из «содержательной» (Inhaltsstoff), докладчик подчеркнул, что процесс лексической десемантизации слова при превращении его в морфологический элемент и развитие самого морфологического элемента связаны со значительной деформацией выразительной стороны, делающей почти невозможным установление ее первоначального облика. Из цепи формальных преобразований, как правило, не носящих характера закономерных и последовательных фонетических изменений, выпадают целые звенья, о существовании которых можно лишь догадываться. Фронтальные этимологические разыскания в области морфологии малозффективны из-за того, что достоверность морфологических этимологий обычно недоказуема. Вместе с тем, учитывая, что морфологические элементы находятся на разных уровнях формального преобразования и что в диалектах и родственных языках сохраняются промежуточные формы, не исключается перспектива достижения положительных результатов в отдельных конкретных случаях. В определении задач этимологического исследования аффиксов докладчик разделяет точку зрения тех языковедов, которые считают, что такого рода исследование не является самоцелью и что оно оправдано лишь в рамках сравнительно-исторического изучения родственных языков.

В докладе «Проблемы историко-типологического изучения фольклора» Б. Н. Путилов (Ленинград) напомнил о том, что с именем В. М. Жирмунского современная фольклористика связывает научное самоопределение историко-типологической теории, обоснование идей и принципов ее метода. Проведенные за последние 10—15 лет исследования показали, что историко-типологическая общность как определенная закономерность обнаруживает себя в самых различных жанрах классического и современного фольклора и на самых разных уровнях фольклорного творчества.

Доклад К. В. Чистова (Ленинград) «Различие эстетической и неэстетической информации как фольклористическая проблема» ознакомил присутствующих с современным состоянием теоретической разработки этого вопроса, который рассматривался В. М. Жирмунским в его ранних работах (20-х гг.), посвященных проблемам так называемой «формальной поэтики». По мнению докладчика, сложность проблемы заключается в том, что речевая деятельность фольклорного типа не однородна в эстетическом отношении. Жанры с доминирующей эстетической функцией соседствуют и контактируют с жанрами для

которых эстетическая функция является производной от функции практической (бытовой, обрядовой, информационной и т. д.).

Теоретические и конкретно-практические проблемы поэтики, интересовавшие молодого преподавателя Петроградского университета Жирмунского, и научный вклад акад. В. М. Жирмунского в разработку этих вопросов определили тематику докладов Вяч. Вс. Иванова и И. М. Дьяконова.

Вяч. Вс. Иванов (Москва) в докладе «Проблемы реконструкции общиндоевропейского стиха» осветил вопрос о данных, подтверждающих гипотезу Ф. де Соссюра об анаграмматическом (или «анафоническом») принципе организации поэтических текстов на древних индоевропейских языках. В пользу этой гипотезы приводились доводы, основанные на результатах анализа фрагментов текстов на общиндоевропейском языке. Намеченные в классической филологии более века назад характерные черты греческого «прастиха», отраженного в позднейшем паронимическом стихе, обнаруживают общие черты с такими индийскими метрами, как гаятри. Выводы о вторичном характере гексаметра на греческой почве подтверждаются исследованием микенских греческих текстов. Благодаря вовлечению в круг рассмотрения целого ряда традиций, для которых наиболее архаические формы стиха представлены семисложником, чередующимся с восьмисложником (сатурнов стих и близкие к нему формы древнейшего римского стиха, древнеирландский стих, авестийский стих, ранние хеттские, гимны), подтверждается древность соответствующих ведийских, греческих и славянских (а также и балтийских) метров; более сложные метры (10- и 12-сложные) монтировались из более кратких. Особое внимание было обращено в докладе на позднейшую интерференцию родственных систем (например, в истории римского стиха) и на тенденции длительной эволюции, прослеживаемой, в частности, на протяжении тысячелетия от древнехеттских текстов до индийских.

В докладе И. М. Дьяконова (Ленинград) «Принципы перевода древневосточной поэзии» были затронуты общие вопросы теории перевода и некоторые проблемы, которые встают перед русским переводчиком поэзии Ближнего Востока. Поскольку перевод можно определить как искусство воссоздания оригинала на языке перевода, то на первый план выдвигается требование функционально-смысловой точности, предъявляемое как к научному, так и к художественному переводу. Перевод поэтического текста с одного языка на другой всегда сопряжен с потерями; трудности, связанные с передачей ритмической организации стиха, обусловле-

ны несхожестью фонетической и морфологической структуры языков, а несовпадение семантических полей ведет к издержкам эмоционально-ассоциативного ряда. Поэтому мастерство поэта-переводчика заключается в умении найти «угол расхождения между подлинником и переводом». Докладчик отметил высокую технику, свойственную лучшим представителям отечественной переводческой школы, открывающую русскому читателю мир иноязычной поэзии.

С. В. Смирницкая, Л. Г. Степанова
(Ленинград)

*

С 14 по 16 марта 1974 г. в Саратовском ун-те им. Н. Г. Чернышевского прошло совещание по изучению русских говоров территории позднего заселения, организованное секцией общественных наук Поволжского регионального научно-методического совета при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР. В совещании приняли участие преподаватели кафедр русского языка вузов среднего и нижнего Поволжья, Урала и Сибири, а также сотрудники Института русского языка АН СССР.

С основным теоретическим докладом на тему «Говоры территории позднего заселения и проблемы их изучения» выступила Л. И. Баранникова (Саратов). Недостаточная изученность и пестрота говоров позднего заселения затрудняют их классификацию, однако возможно выдвинуть исходные принципы классификации, в которой необходимо учитывать два комплекса признаков: экстралингвистический и лингвистический. К первому комплексу относятся следующие признаки: 1) время переселения; 2) характер переселения: одновременность — разновременность; массовость — единичность; причины переселения; 3) характер отношений с окружающим населением: изолированность — контактность; в последнем случае характер контактов: равноправность — неравноправность. К лингвистическому комплексу классифицирующих признаков относятся: 1) степень однородности диалектной основы переселенческих говоров: монодиалектные, бидиалектные и полидиалектные по своей основе говоры; 2) однородность — неоднородность диалектной основы говоров переселенцев с окружающими говорами; 3) первичность — вторичность переселенческих говоров (т. е. сохранность или видоизмененность черт исходного диалектного типа); 4) характер вторичного типа говоров: переходный — смешанный, различающиеся спецификой свойственных им вариантов, в первом случае позиционно необусловленных, во втором — позиционно обу-

словленных; 5) диалектная принадлежность говора¹.

Л. М. Орлов (Волгоград) в докладе «Группировка волгоградских говоров» охарактеризовал диалектный ландшафт Волгоградской области, на территории которой вырисовываются два значительных ареала позднего формирования: южнорусские говоры Подонья, сформировавшиеся в донациональный период, и разнотипные смешанные говоры Поволжья, сложившиеся во второй половине XVIII в. Со спецификой истории образования этих двух групп говоров связываются принципиальные различия в их внутреннем членении. В докладе О. И. Блинов (Томск) «О диалектной основе вторичного говора и методике ее изучения» дано обоснование самого понятия «диалектная основа переходного говора» и предложена методика ее выявления на материале среднеобских говоров.

Особую группу составили доклады, посвященные методам изучения говоров, актуальным как для развития диалектологии вообще, так и специально для изучения говоров поздней формации. В докладе С. В. Бромлей (Москва) «Некоторые предварительные результаты работы над фонетическим разделом сводного „Диалектологического атласа русского языка“» было охарактеризовано то принципиально новое, что внесло в изучение диалектных явлений русского языка картографирование их в масштабе всех его территориальных группировок (в пределах центра Европейской части РСФСР как территории древнейшего заселения). В частности, выход за рамки частных «томов» атласа (отдельных участков распространения русских говоров) позволил по-новому оценить возможность картографирования ряда тонких фонетических различий, как, например, типов редукции гласных или различий в губно-губной реализации /в/ ([ʋ] — [w]), картографирование которых в рамках небольших территорий представлялось бесперспективным. Положения доклада иллюстрировались картами по заударному вокализму после мягких согласных.

С. С. Высотский (Москва) в докладе «Об экспериментально-фонетическом изучении говоров» осветил работу сотрудников фонетической лаборатории Института русского языка АН СССР по созданию фондов физических характеристик звукового строя основных диалектных групп в процессе их приближения к литературному языку. Результаты акустического и артикулярного анализа, выраженные в конкретных величинах, представляют собой объективные характеристики фонетических явлений, часть из которых трудна для восприятия на слух. Описываются специфические трудности в

¹ Подробнее см. в следующем номере «Вопросов языкознания».

наблюдениях над диалектной речью, из чего вытекает необходимость разработки особых методов ее анализа. Сами понятия «полный стиль» и «норма говора», которым должна отвечать фиксация фактов речи, значительно осложнены по отношению к диалектам. Указывается на опасность смещения явлений фонетики с явлениями грамматики и лексики, что особенно часто имеет место при определении фонемного состава конкретных словоформ (ср. квалификацию различий в таких парах, как *тѣнѣй* — *тѣнѣѣ* или *пасѣдиш* — *пасѣдиш*). Обращается внимание на важность различия «обратимых» и «необратимых» фонетических изменений (пример последних — *поканье*), рекомендуется различать явления орфоэпии и ортофонии.

В докладе В. Г. Руделева (Тамбов) «Методы фонологического описания диалекта» говорилось о недостаточной емкости фонологических описаний, использующих понятие «дифференциальный признак» (анализирующие модели). Фонологическая модель анализа является лишь составной частью более сложной модели, обнаруживающей четыре состояния: исходное, анализирующее, синтезирующее и корректирующее. В связи с этим невозможно говорить о превосходстве какой-либо одной фонологической школы над другой, поскольку каждая из основных фонологических школ занималась разработкой модели только одного состояния фонологической системы.

Н. Н. Пшеничнова (Москва) в докладе «Статистический анализ диалектного материала, отражающего сосуществование членов междиалектного соответствия» изложила статистический метод анализа материалов, в которых в пределах одних и тех же говоров представлено сосуществование разных членов некоторого междиалектного соответствия. Метод позволяет относить рассматриваемые явления к одному из двух типов: явления, по которым выделяются группы говоров, каждая из которых по относительным частотам изучаемых признаков статистически однородна, а средние значения соответствующих относительных частот разных групп существенно различны, и такие явления, по которым группы выделить нельзя.

В докладе Е. В. Ухмылиной (Горький) «Специфика применения метода анализа лексико-семантических групп к изучению словарного состава народных говоров территорий позднего заселения» высказывается мнение о неприменимости дифференциального подхода к изучению словарного состава говоров позднего заселения и о необходимости составления полных тематических словарей таких говоров. В качестве единицы наблюдения предлагаются лексико-семантические группы, выделяемые в пределах данной лексической темы.

Специальное заседание было посвящено межъязыковым и междиалектным контактам. Данная проблема рассматривалась как в социалингвистическом, так и в собственно лингвистическом плане. Г. Я. Симина (Калининград) свой доклад «Формирование койне в разноречной среде» посвятила проблеме формирования общего языка, служащего средством общения в условиях большой диалектной пестроты на ограниченной территории (Калининградская обл.). Показано, что создание койне в такой разноречной среде, в говорах, оторванных от основного «материнского» диалекта, — живой процесс, особенно интенсивный в области фонетики и морфологии. Основой общего языка служит литературный язык в его разговорной форме. Иная социалингвистическая ситуация получила освещение в докладе Н. Г. Самсонова (Якутск) «Русский язык и аборигенные языки Северо-Восточной Сибири».

В докладе А. И. Шалашовой (Целиноград) «К вопросу о фонетическом освоении заимствованных слов в территориально смежных говорах неродственных языков» был проанализирован процесс фонетического освоения башкирских слов (из говора айлинских башкир) носителями одного из русских говоров на северо-востоке Башкирии, с одной стороны, и процесс освоения русизмов в айлинском говоре, с другой. Т. Ф. Зиброва (Куйбышев) в докладе «Формирование диалектных и просторечных явлений в условиях диалектной пестроты» сосредоточила свое внимание на изучении диалектных явлений с точки зрения их устойчивости или мобильности в условиях диалектного контактирования. В докладе О. К. Сердюковой (Ростов-на-Дону) «К вопросу о взаимодействии русских говоров с языками других систем» рассмотрены результаты взаимодействия русского переселенческого говора казаков-некрасовцев с турецким языком.

Ряд докладов был посвящен описанию конкретных диалектных различий на разных языковых уровнях. В докладе Р. Д. Антоновой (Казань) «Акустическая характеристика гласных в говоре с неполным оканьем» были изложены результаты экспериментально-фонетического исследования вокализма говора, ранее описанного Богородицким. Г. С. Оксман (Новокузнецк) в докладе «Состояние и основные тенденции развития некоторых типов яканья в говорах территории позднего заселения» приходит к выводу о том, что предупредительный вокализм в говорах территории позднего заселения дает богатый материал для решения вопроса об условиях возникновения инововаций на основе закономерностей исходной системы. Т. И. Мурзеева (Саратов) в своем докладе «Гласные после шипящих в окаяющих говорах Поволжья» исследовала реализацию

гласных неверхнего подъема первого ударного слога после отвердевших шипящих в окающих говорах Саратовской области в сравнении с положением после парных согласных.

М. Н. Барабина (Куйбышев) в докладе «Изучение аффрикат в говорах Куйбышевской области» сообщила о результатах картографирования аффрикат и их соответствий в говорах данной территории. В докладе Е. Ф. Горбачевой (Волгоград) «О вариантах произношения в народных говорах» анализируется (на материале одного говора) использование вариантных речевых средств (главным образом «фонетические дубли» в плане социально-языковой и функционально-стилистической дифференциации современных народных говоров. В докладе А. А. Скребневой (Челябинск) «Соотношение именительного и творительного в уральских говорах» рассматривается для шадринского говора количественное соотношение этих форм при глаголе *быть* во всех наклонениях, а также при полузнаменательных и знаменательных глаголах. Доклад Г. Г. Мельниченко (Ярославль) «Некоторые наблюдения над семантикой и словообразованием слов, обозначающих чердак над жилой частью крестьянского дома» содержит анализ слов со значением «чердак», отмеченных в говорах на территории быв. Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в.

В заключение был прослушан доклад В. Е. Гольдина (Саратов) «Организация диалектологической практики студентов 2-х курсов филологических факультетов».

Многие доклады, в особенности доклады Л. И. Бараниковой, О. И. Блиновой, О. К. Сердюковой, вызвали оживленные и содержательные прения.

На заключительном заседании были приняты решения, в которых подчеркивалась актуальность изучения говоров позднего заселения и необходимость регулярного (раз в три года) созыва совещаний по этой тематике.

С. В. Вромлей, Н. Н. Пшеничнова
(Москва)

11—12 апреля в Симферопольском гос. ун-те им. М. В. Фрунзе состоялась республиканская межвузовская конференция по проблеме «Русский язык в его связях с украинскими и другими славянскими языками», созванная Министерством высшего и среднего специального образования УССР, Министерством просвещения УССР и Институтом языковедения им. А. А. Потебни АН УССР. Во вступительном слове ректор университета А. Ф. Переход отметил огромную

роль русского языка в жизни многонационального советского государства.

На пленарном заседании были прослушаны и обсуждены доклады по проблемам общего и русского языкознания. В докладе акад. И. К. Белодеда (Киев) «Ленинское учение о развитии национальных языков и его воплощение в жизни народов СССР» были показаны успехи Союза ССР в языковом строительстве на разных этапах развития советского многонационального общества, которые являются результатом последовательного проведения в жизнь ленинской национальной политики. Процесс развития социалистических наций СССР способствует выработке в их языках известных черт общности определенных компонентов структуры, семантики и общественных функций.

Член-корр. АН СССР Ф. П. Филин (Москва) в докладе «Истоки русского литературного языка» аргументировал теорию, подтверждающую вероятность существования в древней Руси двух письменных языков: церковнославянского и собственно древнерусского, который был, главным образом, языком деловой литературы и устных, фольклорных источников¹. В докладе Г. П. Ижакевича (Киев) «Роль русского языка как языка международного общения в национально-культурной и языковой жизни УССР» отмечалось, что русский язык на Украине функционирует параллельно с украинским, не подменяя его, не принимая на себя его основных функций как национального языка украинского народа. Специфика функционирования русского языка на Украине определяется генетическим родством русского и украинского языков, их лексической и структурной близостью. Параллельное функционирование на территории УССР украинского и русского языков приводит к различным формам русско-украинских и украинско-русских языковых контактов, практически охватывающим все слои населения, что в свою очередь интенсифицирует процессы русско-украинского языкового взаимодействия на Украине.

В работе шести секций приняли участие более 70 языковедов из 20 городов Советского Союза, а также преподаватели языковедческих кафедр местных вузов, студенты, учителя.

Значительное количество докладов и выступлений на конференции обеспечило детальное обсуждение как общетеоретических проблем взаимодействия русского языка с украинским и другими славянскими языками (Т. К. Черторижская, В. Г. Коломиец, Г. П. Пивторак, Н. П. Романова и др.), так и вопросов применения сопоставительного метода изучения русского, украинского и других славянских языков в области слово-

¹ Доклад опубликован в ВЯ, 1974, 3.

образования (В. А. Горпинич, А. Д. Зверев), словоизменения (А. П. Сазонов, Е. Н. Сидоренко), синтаксиса (А. А. Соловьева, В. М. Ронгинский, Н. Н. Арват, В. Н. Силина, И. Ф. Андерш, М. В. Симулик, В. И. Фурсенко, Л. С. Пастухова, А. Е. Киселев, Н. Г. Озерова, В. П. Забелина, Л. И. Демченко), лексико-семантических связей (В. А. Сиротина, А. В. Лагутина, А. А. Евграфова, А. И. Богуцкая), стилистики (М. А. Карпенко, Н. А. Вакуленко, Л. М. Стоян, В. Г. Фещенко, Н. П. Голубева, Л. И. Евдокимова).

В докладах были обсуждены способы взаимодействия восточнославянских языков, сделана попытка выяснения теоретических возможностей применения методов синхронии и диахронии в сопоставительном изучении современных восточнославянских языков, а также семантических предпосылок создания паронимических отношений в русском и украинском языках.

Значительный интерес вызвало обсуждение процессов стилистической нейтрализации в русском и украинском литературных языках советского периода, вопросов классификации семантических типов односоставных глагольных предложений в русском и украинском языках.

В некоторых докладах и выступлениях были показаны возможности сопоставительного метода в изучении истории языка (А. Н. Стеценко, В. Ю. Франчук, Я. А. Спринчак, Ю. Г. Скиба, С. Е. Морозова, Н. Г. Шелихова, Т. А. Грищенко) и диалектологии (Е. И. Самохвалова,

Е. А. Владимирская, В. В. Богачук, Ж. А. Закупра). Была предложена классификация древнейших типов сложносочиненных предложений, описаны особенности двуязычного взаимодействия в русских говорах на Украине.

В ряде докладов были рассмотрены вопросы методики преподавания русского языка в школах и вузах УССР (И. В. Муромцев, В. Н. Михайлов, А. С. Бровко, И. Ф. Нелюбова, Г. В. Павловская и Л. М. Черняк), освещались вопросы параллельного преподавания близкородственных русского и украинского языков, места и роли сопоставительного метода при обучении русскому языку в школах и вузах УССР.

На заключительном пленарном заседании были прослушаны отчеты руководителей секций, а также информационные сообщения члена-корр. АПН И. Ф. Протченко (Москва) о тематических планах Института русского языка АН СССР.

Конференция приняла резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость дальнейшего укрепления координационных связей специалистов по русскому языку научных учреждений и высших учебных заведений УССР с Институтом русского языка, Институтом языкознания и другими языковедческими учреждениями АН СССР и союзных республик. Первоочередной задачей является создание в УССР печатного органа для публикации наиболее важных исследований по русскому языкознанию.

В. М. Ронгинский (Симферополь)

CONTENTS

Articles: V. Z. Panfilov (Moscow). Language, thought, culture; **Discussions:** N. Z. Gadžieva (Moscow). Goals and methods of Turkic areal linguistics; B. M. Zadorožnyi (Lvov). The history of language and extralinguistic factors; V. G. Admoni (Leningrad). The status of generalized grammatical meaning within the language-system; **Materials and notes:** K. S. Gorbačevič (Leningrad). Variability of the word as lexico-grammatical phenomenon; G. F. Blagova (Moscow). On the types and structural varieties of declension in Turkic languages; V. E. Ščetinkin (Novosibirsk). Evolution of tense-system of the indicative from Latin to French; N. A. Baskakov (Moscow). Origin of imperative-optative mood-forms in Turkic languages; **From the history of science:** D. S. Čanturišvili (Tbilisi). From the history of bilingual lexicography; **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: V. Z. Panfilov (Moscou). Langue, pensée, culture; **Discussions:** N. Z. Gadžieva (Moscou). Tâches et méthodes de la linguistique géographique appliquée aux langues turques; B. M. Zadorožnyi (Lvov). Histoire de la langue et facteurs extralinguistiques; V. G. Admoni (Léningrad). Le statut de la signification grammaticale généralisée dans le système linguistique; **Matériaux et notices:** K. S. Gorbačevič (Léningrad). Variabilité du mot comme phénomène lexico-grammatical; G. F. Blagova (Moscou). Contribution à l'étude des types et variétés structurales de la déclinaison casuelle dans les langues turques; V. E. Ščetinkin (Novossibirsk). Évolution du système temporel de l'indicatif depuis le latin jusqu'au français; N. A. Baskakov (Moscou). Origine des formes du mode impératif et optatif dans les langues turques; **De l'histoire de la science:** D. S. Čantourišvili (Tbilisi). Quelques pages d'histoire d'une lexicographie bilingue; **Comptes rendus; Vie scientifique.**

The Editorial Board of the journal «Voprosy Jazykoznanija» expresses its appreciation to the Publishers who send us their books for review. The Editorial Board regrets that it cannot guarantee the reviewing of all the books received due to space limitations. Two offprints of each review will be sent to the Publishers. Books received are not returned.

*

Le Comité de rédaction de «Voprosy Jazykoznanija» tient à exprimer sa profonde reconnaissance à toutes les Maisons d'édition qui lui font parvenir leurs nouvelles parutions pour critique. Le Comité de rédaction ne peut pas garantir la publication d'un compte-rendu pour chaque livre reçu à la rédaction. Les comptes-rendus seront publiés selon les possibilités de la rédaction. Deux tirages-à-part seront envoyés en ce cas aux Maisons d'édition respectives. Les livres reçus à la rédaction ne sont pas rendus aux éditeurs.

*

Die Redaktion der Zeitschrift «Voprosy Jazykoznanija» spricht allen Verlagen, die uns Rezensionsexemplare zukommen lassen, ihren tiefempfundenen Dank aus. Die Redaktion gibt bekannt, daß leider nicht alle bei uns einlaufenden Bücher besprochen werden können. Die Rezensionen werden den Möglichkeiten unserer Zeitschrift entsprechend veröffentlicht. Der Verlag erhält zwei Sonderabdrücke. Die von der Redaktion erhaltenen Bücher werden nicht an den Herausgeber zurückgesandt.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах; текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 24 стр., объем рецензии — 10 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

6. Все формулы и буквенные обозначения величин должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

7. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью: чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями, все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два — три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

8. Непринятые рукописи, как правило, не возвращаются.

9. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

10. Хроникальные заметки должны представляться в редакцию в течение двух месяцев с момента описываемого события в лингвистической жизни. Объем хроникальной заметки — 3—5 стр.

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 28/X-1974 г.	Т-03009	Подписано к печати 14/I-1975 г.	Тираж 7130 экз.
Зак. 1307	Формат бумаги 70X108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 14,0	Бум. л. 5 Уч.-изд. л. 15,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10